

Павло ЗАГРЕБЕЛЬНЫЙ

Я УЗНАЛ о его смерти из сообщения ТСН. Вдруг засветился экран солнечным золотом, и в каком-то золотом пространстве, в немыслимо сказочном беспредельном помещении над библейскими толпами проплыл гроб в белом глажете, а в гробу — серебряная округлая борода и бледное, вдохновенное даже в смерти лицо пророка! Не может быть! Сергей Параджанов... Кажется, он отрежиссировал даже собственные похороны.

Где он погребен? В Эммадине? На холме Эрибуни, возле глиняных развалин дворцов первых армянских царей? На священной армянской горе Арарат? Его тело покоится в земле предков, а душа витает над огромными пространствами, ей мало Кавказа, она вырывается оттуда, как голубь из Ноева ковчега, в поисках новых пространств, новых миров, новой красоты.

Душа его и над нашей Украиной, над Карпатами, над степями, над Киевом.

На Украине Параджанов пережил свое величайшее художественное вознесение и свою гологофу.

Киев подарил Сергею жену, похожую на одну из боттичеллиевских весенних нимф, Киев помог необычайному дару Параджанова воплотиться в фантастически прекрасные «Тени забытых предков», и тот же Киев, к стыду и позору своему, стал местом мерзкого судилища над необыкновенным художником.

До самой смерти я буду терзаться за те пять лет лагеря, покалечившие жизнь Параджанова, как будто я собственными руками бросил его за колючую проволоку. Нам выпал жребий без вины виноватых, и вечный стыд будет сопровождать нас до самого гроба.

Я не помню точно, когда мы познакомились с Сергеем. Теперь кажется, что мы были знакомы чуть ли не с момента нашего рождения, тем более, что оба были с 1924 года. Наши сыновья учились в одном классе киевской 92-й школы и дружили. На родительском собрании познакомились жены. Но представить Параджанова женатым человеком трудно. Его не могла удержать возле себя даже женщина боттичеллиевской красоты и нежности. Ему нужны были простор и воля. Неустроенный быт, абсолютное пренебрежение так называемыми мелочами жизни, почти детская непосредственность и безалаберность в поведении — такая женщина выдержит все это?

Он так и запомнился навсегда в своей холостяцкой двухкомнатной квартирке на верхнем этаже «хрущобы», поставленной в русле загнанной под землей древней киевской реки Лыбеди, на краю бывшего знаменитого киевского рынка Евбазы, который Довженко мечтал превратить в большое озеро, но киевские власти превратили его в площадь Победы с универсамом «Украина», интуристическим отелем «Лыбидь» и нелепым зданием цирка. Параджанов со своего балкона мог наблюдать за разноцветными толпами перед универсамом, за пестрыми интуристическими автобусами и автомобилями, видел, как через ночную площадь стройные наездницы ведут к круглому зданию цирка прекрасных белых лошадей, как заходят туда огромные клетки с хищными зверями, и его тонкие нервные ноздри как бы улавливали загадочный дух Африки, Индии и беспредельных пространств.

В его маленькой квартирке тоже царил дух беспредельности. Там никогда не было ничего постоянного: ни обстановки, ни вещей, ни людей, даже сам Параджанов то ли был в квартире, то ли его там не было, он мог исчезать на месяцы, на годы, внезапно появлялся, звал к себе бесчисленное количество людей, приглашал, требовал, обольщал, затем так же внезапно пропадал. Мебель как бы перемещалась за своим хозяином. Вдруг появлялась деревянная скамья из синего, чтобы через день-два ее заменил казачий «ослон», которому на смену придет бирмеерский диван. Стулья в привычном смысле слова там никогда не было, а только старинные украинские «дзылики» из тяжелого дерева, изящные золоченые стульчики из дворцов польских королей, некое подобие полутрона с двуглавыми орлами на высоких спинках. Спальни у Параджанова, кажется, тоже не было никогда. В какой-нибудь из комнаток не предназначалась для сна, а только для рассматривания, удивления и восторгов. Ибо матрац был обтянут тканью, которой уже не найдешь нигде в мире, и набит конским волосом из хвостов чуть ли не конницы самого Тамерлана.

Во всех углах и уголках этого необыкновенного пристанища мы могли натолкнуться на ржавые рыцарские латы, пятипудовый бронзовый колокот, отлитый в 1654 году в честь Переяславских звонов Хмельницкого, французскую шкатулку в стиле «маркетри», небрежно скопанные обрывки пыльного турецкого ковра ручной работы шестнадцатого столетия. Стены были украшены коллекционными фарфоровыми тарелками, картинками выдающихся мастеров и неизвестных гениев, уникальными карпатскими иконами на стекле, сюрреалистическими рисунками самого Сергея и его друзей. Посуда? Роскошные фарфоровые сервизы, древняя армянская и грузинская керамика, чуть ли не древнеримские оловянные тарелки и бокалы...

ВОЛШЕБНАЯ НИТЬ ПАРАДЖАНОВА

Впрочем, все это не задерживалось надолго, иногда гостям приходилось довольствоваться и советским бытовым алюминием, отчего знаменитый параджановский кофе не становился менее ароматным.

Про эту квартирку между цирком и универсамом «Украина» ходили легенды. За тот десяток лет, что она числилась за Параджановым, там побывали, пожалуй, все знаменитости, которых в те годы судьба забросила в Киев. Помню, как в Киев приехал американский писатель Джон Апдайк (у нас тогда был напечатан его роман «Кентавр»). Апдайк отказался от казенной встречи в Союзе писателей и заявил, что хотел побывать у кого-нибудь из писателей дома. Был он тогда со своей первой женой Мэри. Мы с моей женой Эллой пригласили их к себе на завтрак. Вышло так, что именно в это утро у нас была учительница английского языка, которая занималась с нашей маленькой дочкой и ее подружками. Апдайк решил, что это подстроено специально, чтобы продемонстрировать высокий культурный уровень семьи советского писателя. Успокоился он, кажется, лишь после того, как адвокат начался от пыли в моем тесном кабинете, заваленном до самого потолка книгами, и насладившись зрелищем дереволомных изданий Толстого и Достоевского, опечатанных, как извещало на титульной странице, на бумаге, изготовленной без применения древесной массы. Когда мы фотографировались на память в нашем маленьком дворике под зеленой явой, я осторожно спросил Апдайка, что бы он хотел увидеть в Киеве. Он сказал: соборы и квартиру Параджанова.

Несколько лет спустя мне пришлось побывать в Америке. В Бостоне мы встретились с Апдайком, ужинали в его любимом ресторане, речь зашла о Киеве, Джон сказал, что помнит соборы и Параджанова.

— Но, кажется, в своей книге об этом путешественник написал не об этом! — спросил я.

— Ты же знаешь, что мы не всегда пишем о том, что больше всего помним, — сказал он.

Нечто подобное повторилось с французским писателем Мишелем Бютором. С легкой руки Апдайка наша квартира стала местом завтрака для иностранных писателей. Бютор тоже завтракал у нас, в моих книжных пещерах его больше всего интересовали художественные альбомы, и я подарил Мишело альбом Хокусая, изданный, правда, не Скирра, а всего-навсего пражской «Артией», но вряд ли уступающий по изяществу знаменитому швейцарскому сопернику. Где-то через месяц я был у Параджанова и увидел у него Хокусая, подаренный мной Бютору. Ошибки не могло быть: на альбоме была моя дарственная надпись.

— Он что, забыл этот альбом у тебя? — спросил я.

— Выменял у меня Кацимоновского черта (засмеялся Сергей). Я хотел ему просто подарить черта, но он заявил, что чувствует себя в моей квартире, как

на древнем караванном пути и поэтому должен по обычаю купцов не принимать подарки, а совершать сделки.

— Но ведь я ему подарил черта работы Кацимо-на! — воскликнул я. — У меня дома было несколько работ из Софийской керамической мастерской: под-свечники, декоративные плитки, фигурки работы Сев-рук, Железняк и один зеленый черт Кацимо-на. Бю-тор был в восторге от них, особенно от черта. Есте-ственно, я и подарил ему эту штуку.

— Твой зеленый, а мой кобальтово-синий! — воскликнул Параджанов.

Сергей был безумно влюблен в синий цвет. Он находил его повсюду: в небесах Армении, в глазах жены и своего дорогого мальчика, в горных потоках Карпат, в расписанном кобальтом фарфоре, в огромном цейлонском сапфире, который Параджанов носил на длинной, чуть ли не до пояса, мелкой золотой цепочке и часто прикладывал к глазу, как будто вглядываясь в неведомые миры. Синий цвет жил в нем и пребывал в столь же необъяснимо-таинственном движении, как в «Троице» Андрея Рублева, репродукция которой была прикреплена между иконами на са-мом почетном месте.

У меня осталась память о любимом цвете Параджанова.

Однажды ему надо было уезжать. Как всегда, вне-запно, далеко, надолго и, как всегда, Параджанов был без гроша в кармане (хстати, я вообще не помню, чтобы у него были деньги и чтобы он расплачи-вался за что-нибудь, как все). Он появился внезап-но у нас дома с невообразимо старой огромной сум-кой, вытаскил из нее два больших предмета, завер-нутых в белую лохотную бумагу, положил на стол, развернул, отступил от стола, чтобы дать нам с же-ной возможность взглянуть на то, что он принес.

Это были огромная фарфоровая настенная тарел-ка с изображением двух буревишников над сумрач-ными северными водами и метровая фарфоровая

ваза, похожая на столб густо-синей воды, в которой плавают сильные упругие рыбки.

— Настоящий Копенгаген! — объявил Параджанов. — Три волны. Чудная серо-синяя гамма на тарелке, а ваза, сама видите, удивительнейший кобальт! Я во всяком случае такого больше не встречал.

— Но... я ничего не понимал. — Ты уезжаешь и принес эти вещи, чтобы мы их сохранили!

— Я уезжаю, и мне нужно четыреста рублей. По-тому я принес вам эти вещи, а вы дадите мне четы-реста рублей. Не подумайте, что я хочу вас обмануть. Одна ваза может стоить все четыре тысячи. О тарел-ке я даже не хочу говорить: это уникум. Но я не хо-чу никаких тысяч, я хочу, чтобы эти вещи были у вас.

— Но, Сережа, — возмолвил я. — Ты же знаешь: мы не коллекционеры, я не покупаю ничего, кроме книг, у нас в квартире нет клочка свободной стены не только для подобной тарелки, но даже для кро-шечного отрывного календарика!

— Все это меня нисколько не интересует, — зая-вил он. — Я хочу, чтобы у вас осталась от меня па-мять. Если у тебя нет четыреста рублей, это будет моим подарком. Но унести этих вещей я не со-бираюсь!

Я нашел ему денег, он уехал, потом вернулся, так было много раз, пока не уехал он навсегда.

Мне до сих пор не верится, что Параджанов умер. То, что я видел по телевизору, было ничто иное, как еще один фильм Параджанова в духе кавказского фантастического реализма.

Боги не умирают, а в Параджанове многое было от богов, а не от людей. Он был как бы соткан из двух начал: земного и божественного, его маленькое, легкое почти до невесомости тело животворилось не земной пищей, а духом. Я никогда не видел, чтобы Параджанов ел или пил. Пригласить его в гости мо-гло было разве что на интересного человека или ка-кой-нибудь раритет: картину, книгу, украшение, но не на застольное пиришество. О таких, как он, гово-рят: святым духом питается. Зато сам Параджанов любил смотреть, как едят и пьют гости в его подне-бесной квартирке. При всей его бытовой непрактич-ности Сергей каким-то образом умудрялся иметь в своем жилище наряду с совершенно несъедобным антиквариатом массу вкуснейших вещей: нежную ба-ринину для шамшюков, сочную телатину для пельме-ней, отборный рис для плова, свежие субтропические фрукты, кавказские травы, всяческие экзотические специи, называемые когда-то колониальными товара-ми, грузинские марочные вина. Конечно же, армян-ские коньяки и разнообразнейшие украинские горил-ки: черниговскую, винницкую, сумскую, старокиев-скую, полтавскую и даже доонецкую, у которой хо-дила недобрая молва, что гонят ее из каменного уг-ля.

И если гости пили вино, то таинственным образом в руках у хозяина возникали бокалы из настоящего

баккара, а водка наливалась в граненые павловские полустаканчики, под коньяк подавались специальной формы бокалы цветного стекла. Для приготовления кавказских блюд, кажется, с самых гор приглашались кавказские люди, у которых были такие же глаза ве-ликомучеников, как и у Сергея.

Однажды он позвал меня на работу и попросил обязательно быть у него вечером.

— Но только с Эллой! — предупредил он.

Теперь, мне кажется, что Параджанов приглашал меня ради моей жены. В ней тоже было много неудо-вимо боттичеллиевского, это напоминало Сергею его жену, его сердце страдало, но вместе с тем и лико-вало: ведь он приобщался к подобной нежности!

В тот вечер у Параджанова в гостях был киноре-жиссер Сергей Герасимов с двумя студентками свое-го курса в институте кинематографии. Герасимов, на-пав на себя белый передничек, стоял у раритетного параджановского стола, накрытого белой скатертью, искуснейшим образом лепил крошечные пельмешки, рассказывал, разумеется, не о тайне пельменей, а о тайнах киноискусства, студентки с немлем обожанием взирали на своего лысого метра, а Параджанов хо-дил по своей квартирке и дьявольски хохотал от зре-лища этой невообразимой смеси, состоящей из уве-шанного правительственным золотом кинометра, ки-евско-сибирских пельменей и столничного обожания.

Сергей вырос в семье антикара, вкус к красивым вещам пришел к нему от рождения, он знал цену золоту, камням, искусным украшениям, любил созер-цать их, наслаждаться их блеском, сиянием, необыч-ностью, но жажды к накопительству в нем не было никогда, он только дотрагивался до всего этого и уже готов был дарить, продавать, обмениваться, так как его интересовали не сами по себе творения при-роды и человеческих рук, а только нечто скрытое в них, какая-то затаянная суть, которую он разгляды-вал под внешней оболочкой почти мгновенно, как бы извлекая ее оттуда и нанизывая на невидимую вол-

шебную нить, натянутую в его душе. Поэтому он был неутомим в поисках чудес. Мог позвонить поздно ночью.

Надо подыехать к одной старой дворянке, на Артема. Уникальные книги! Целая французская би-блиотека. Восемнадцатый век.

— Но ведь поздно.

— Старушке девяносто или сто девяносто лет, у нее бессонница. До утра ждать нет смысла: старушка может умереть...

Машина всегда стояла у меня во дворе, я заводил мотор, ехал к Сергею, мы добирались на улицу Артема, находили в огромной коммунальной квартире крохотную интеллигентнейшую старушку, которая пробовала заводить с нами великосветскую бесе-ду на французском, английском, в крайнем случае — на немецком, но Сергей признавал только кавказские языки, а мой немецкий и английский со времен войны так и остались на уровне солдатского жаргона, по-тому мы перешли к бабусиным книгам. Книжки оказа-лись — дряннь. Сентиментальные повестушки безвест-ных французских авторов на темы: первый бал, по-молвка, страдания в закрытом пансионе для девиц и так далее.

— Но какие переплеты! — восторгался Параджанов. — Какое золото на обрезах! Какое тиснение на корешках!

Вдруг он приехал ко мне на студийной разгонной машине, тачил на другой берег Днепра, на Воскре-сенский массив, к знакомой художнице.

— У нее чудный ломберный столик палисандрово-го дерева! Ты должен обязательно посмотреть.

— Но зачем! — слабо сопротивлялся я. — Зачем мне смотреть столик палисандрового дерева?

— Как! — возмущался Сергей. — Ты же пишешь про древнеримских князей, тебе надо все это видеть!

— Но киевские князья не играли в ломбер.

— Зато их троны были сделаны из палисандрового дерева! Как и троны древних армянских царей, ме-жду прочим. Троны из золота — это жеринский шик. Троны из слоновой кости! Это чудовищно! Как мо-жно управлять страной, если ты сидишь на этом троне и слышишь стоны умирающих слонов?

Парадоксальность и бестрашие параджановской мысли прекрасно прослеживаются в его фильмах, и теперь приходится только жалеть, как мало он успел сделать, как мало смог оставить нам драгоценных жемчужин своего ума.

Между тем, от острой ироничности этого ума при-жизни Мастера примитивные души, профаны и неве-жды чувствовали себя не совсем уютно.

Он снимал в Армении своего гениального «Свят-Нова» (искоряженного затем киноначальством и даже переименованного в «Цвет граната»), и вдруг в Киев на киностудию им. Довженко приходит на имя дирек-тора студии Василия Васильевича Циркунова теле-грамма: «Прошу немедленно выслать пару олов

своих на Кавказе не хватает Параджанов». Студийная челядь засуетилась: показывать ли директору теле-грамму? А вдруг тут какой-то наем? А вдруг — ос-корбление! А Параджанову просто хотелось отвести душу, и он решил хоть немного порезвиться, зная, что умнейший Василий Васильевич, его друг и покрови-тель, все поймет, оценит и посочувствует.

А тем временем из-за Кавказских гор летела новая телеграмма: «Москва, Кремль. Политбюро. Для съе-мок фильма «Свят-Нова» нужна севанская форель. В озере ее не обнаружили. Последние две форели на столе первого секретаря ЦК Кочияна. Прошу рас-поряжения забрать их оттуда для съемок. Параджанов».

Как он снимал в Карпатах «Тени забытых предков», об этом должны рассказать участники съемок, ибо это все могут передать только очевидцы.

Я говорил тут о вещах, казалось бы, несуществен-ных, не имеющих прямого отношения к главным жиз-ненным занятиям Сергея Параджанова: режиссер, сценарист, актер, художник. Но как строится, создает-ся душа художника, как возводится это неповторимое здание, из каких материалов состоят стены, окна и двери, из каких драгоценных нитей ткнут покрывала и занавеси, долженствующие хранить великую тайну.

Он не знал разделения на докиньотовский «верх» и санчопансовский «низ». Он жил только «верхом», на-поминая армянский крест—ханчар, устремленный к не-бу и пространству и совершенно не заботящийся о своем основании. Я не могу вспомнить, какая обувь была у Сергея, как сдается мне, ботинки на нем всег-да были задрипанные, невыразительного цвета, про-чем, это было совсем неважно. Главное было «верх!» Какие-то бархатные разноцветные жилеты, камзолы, дорогие пуховики, цепи и цепочки, кресты, амулеты, он был попеременно халдейским звездочетом, слу-жителем астральных культов, средневековым рыца-рем, французским рыцарем, восточным купцом, Но-страдамусом, великим мастером китайской живописи

же самое можно сказать о Лермонтове и его сказке «Ашик-Кериб». А если никто никогда не мог вооб-разить Параджанова пишущим, то как же все-таки он су-мел написать сценарии всех своих фильмов?

Видимо, Сергей чувствовал некую свою ущербность перед всеми читающими и пишущими, ущербность эта усугублялась особенно тем, что прежде, чем снимать фильм, сценарий будущей картины должен был прой-ти крестный путь обсуждений, перелоек, уточнений, согласований, утверждений в бесконечных казенных инстанциях: студия, республиканский кинокомитет, все-союзный кинокомитет плюс вездесущая, преподле-вшая, вечно живущая инквизиция Мария Алексеевна.

Сценарии были у Параджанова в голове, в душе, в сердце. В бумагах он все равно при съемках загля-дывать не собирался. Бумаги были нужны чиновникам, питающимся бумагами, а заодно и людьми, их сочи-няющими. Одной из разновидностей таких кормов для чиновников во все годы наших владык грохочу-щих строев были советские писатели. Вполне есте-ственно, что Параджанов вынужден был прибегать к помощи писателей, выставлял их как некий щит про-тив разбойничьей чиновничьей рати. «Тени забытых предков», собственно, не нуждался в особом сценарии. Есть новелла, и ее автор Коцюбинский, и есть Параджанов со своим другом и помощником Юрием Ильенко, чего еще? Но Параджанов просит ужгород-ского прозаика Ивана Чендея быть сценаристом филь-ма. Задумав «Киевские фрески», он просит помочь со сценарием Ивана Драча и автора этих строк. «Интер-меццо» мы писали с Параджановым (он говорил, я записывал), как древние папирусы: меж его не-вероятными выдумками я робко вписывал строчки, столь милые чернильным душам и суконным рывам, о социальном фоне, о расстановке классовых сил и прочую дребедень, — одним словом все, что нужно для утверждения в инстанциях. Сценарий даже был утвержден, но поменялось начальство, и все затормо-зилось. Параджанов уже загорелся новым замыслом: «Дочь бумикиста». Мы успели сделать лишь первый набросок, а дальше все потеряло смысл. Творчество этого уникальнейшего Мастера надолго пресеклось.

Может, все мы жертвы уже от своего рождения и обречены покорно ждать, кому какой выпадет жре-бий? А может, в самом нашем обществе некоей дья-вольской силой посеяны семена черной благодар-ности, которыми это общество платит лучшим своим сыновьям за их лучшие дела?

Александр Довженко своими первыми фильмами создавал славу советского кино. Студия, носящая его имя, стала позором этого кино. Созданный на этой студии фильм Параджанова «Тени забытых предков» вернул студии доброе имя, прославил ее на всех кон-тинентах.

Чем же отплатили творцам «Теней...»? Параджанова по ложно сфабрикованному обвине-нию запрятали в лагерь к уголовникам.

Чендея исключили из партии, десять лет запреще-ли печатать.

Фильмы Ильенко в лучшем случае попадали на пол-ку, а их автор два десятка лет ходил под подозре-нием.

Был устранили со студии и практически лишен ра-боты Василий Циркунов, мужественно защищавший всех талантливых людей от начальственных наскоков. Председателя Госкино Украины, человека редкостного благоразумия—Святослава Иванова сняли с должнос-ти и затравили до смерти.

Мучительно медленно пробивались ученики и вос-питанники Параджанова — Осыка, Беликов, Балаян, но с каким трудом, с какими муками!

И нет виноватых. Система! Но как жизнь состоит из мелочей, так всякая система — это люди, ее соз-давшие.

Неужели то, что мы рождаем, должно нас съедать? Ведь мы создавали эту страну, эту державу, почему же она столь неблагоприятна!

После тех трагических лет я не видел больше Сер-гея. Несколько телефонных звонков из Тбилиси, из Киева — вот и все. Последний звонок: он на один день привез в Киев по пути с какого-то междунаро-дного фестиваля свой «Ашик-Кериб», вы с Эллой долж-ны обязательно посмотреть со мной. Будут самые близкие друзья. К сожалению, уже нет Бахана, но я разскиваю его Нину Владимировну... Я лежал тогда со слономаной ногой за городом и не мог добраться до Киева. Если бы знал, что Сергей через год не станет, допрыгал бы на костылях. Если бы...

Он горел невероятными замыслами. Ты должен выздороветь и обязательно приехать в Тбилиси! — кричал он по телефону. — Мне дают в реставрированных кварталах над Курой особняк, усадьбу, могут дать целый квартал! Мы напишем сценарий фильма о перестройке. Я уже сказал им в Москве! Но мне нужна эпоха между двумя царями — Алексеем Михайловичем и Петром. Кремль, стрель-цы, раскольники в горящих срубях, боярыня Моро-зова на Красной площади, вся в чудных мехах и с проклятиями. Но от боярыни Морозовой только гла-за и взгляд, а руки — леди Макбет. И меха. Наши роскошные меха, которые шевелятся, уполяют, ис-чезают... Дальше нечто неподобие мультипликация...

Голос пресекал, пресекался жизнью, и никогда уже не придут те миры, которые обещал подарить нам гений Сергея Параджанова.

Примечание. В этом тексте есть одно выражение, которое может показаться непонятным: «жеринский шик». Жеринка — узловая железнодорожная стан-ция в Винницкой области на Украине. Жители Же-ринки всегда отличались большим самолюбием. Так, холмистую часть своего поселка они называли Кавказ. Станцию свою они до сих пор считают самой круп-ной и самой узловоей во всей Европе. Рассказывают, что даже Эйштейн ехал из Парижа, или из Цюриха, или откуда там еще в Стокгольм получать свою Но-белевскую премию именно через Жеринку, а самые выдающиеся жители станции вышли по этому случаю к поезду на перрон и имели с великим ученым дли-тельный разговор о его теории относительности.